

ГРИБУША, ИЛИ ЦВЕТ НЕБЕСНЫЙ

С.И. Ваксман,
журналист

Дом купца Грибушина, что на Покровской, то есть улице Ленина, 13, старые жители Перми зовут просто «грибушка», или более уважительно – «грибуша». В этом есть что-то теплое, провинциальное, деревенское – расстегаи, пироги с грибами, долгие чаепития.

*Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.*

Что это за книга? Может быть, пермский роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго»? Или пермская пьеса Чехова «Три сестры»? Антон Павлович вглядывается в каждодневную простую жизнь, в которой проступает общий смысл. Люди сидят за столом, смеются, ждут ряженных, свистят, объясняются в любви, дурачась, поют «У лукоморья дуб зеленый» на мотив «Любви все возрасты покорны», пьют чай из голубых чашек, которые имеют свойство разбиваться.

До революции пермяки распивали ароматный байховый, черный, зеленый, плиточный, кирпичный чай свежего сбора из пачек, где изображены пальмы, верблюды, пирамиды, где под торговым знаком фирмы – весы на фоне двух якорей – витиеватая надпись: «Чай Торгового Дома М.И. Грибушина с наследниками собственной выписки из Китая: через Кяхту (цыбиками в кожах), через Одессу (в камышах). Главная контора в Перми. Оптовая контора в городах Перми, Уфе, Екатеринбурге, Вятке, Кунгуре; в ярмарках Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской, Бирской, Осинской, Красноуфимской»...

*Чай бордовый,
Чайник новый,
Кипяченая вода,
Лимон свежий,
Ваня резал.
Кушай, милая моя!*

Многие годы в этом обветшавшем, казалась бы, обреченном на слом доме помещалась детская больница № 3. Но невозможно представить, чтобы этот исторический дом исчез! В октябре 1987 года пермские реставраторы приступили к спасению этого уникального памятника, который упоминается в знаменитом своде – «Всеобщей истории архитектуры» в двенадцати томах. Когда-то он входил в большую купеческую усадьбу с садом-огородом – это называлось селитебная, то есть для заселения земля. Предполагается, что дом был построен в 1890-х годах по проекту архитектора и оперного певца Александра Бонавентуровича Турчевича. С усадьбой соседствовали убежище детей бедных и при нем церковь Марии Магдалины, дом пермского дамского попечительства о бедных.

Архивные документы открывают нам имена титулярного советника Василия Васильевича Кашперова и жены его Зинаиды Викторовны, которые построили особняк в 1890-х годах.

Кашперовы – страстные театралы: Зи-

Сергей Михайлович Грибушин

наида в числе старшин пермского кружка любителей драматического искусства, а Василий даже входил в театральную дирекцию вместе с Турчевичем. Особняк на Покровской и внешне напоминает театральное здание!

После Кашперовых домом владели братья Поклевские-Козелл – из уральских миллионеров. Ивана Альфонсовича в Перми знали как щедрого благотворителя, попечителя научно-технического музея, почетного члена Пермского общества велосипедистов-любителей.

С 1904 года деревянный, обложенный кирпичом особняк стал владением Антонины Ивановны Грибушиной, вдовы кунгурского чаеоторговца, от которой дом по наследству достался ее сыну Сергею Михайловичу. Он унаследовал хватку и трудолюбие родителей. Сергей Михайлович был заядлым лошадиником; породистые лошади, скачки – вот его страсть. В усадьбе дома на Покровской появляются конюшня, кузница. Он – вице-президент Пермского общества поощрения коннозаводства.

Круг благотворительной деятельности С.М. Грибушина весьма широк – он попечитель детских приютов, пермского училища слепых детей, входит в губернский тюремный комитет, он и почетный смотритель городского училища, он и в составе пермской губернской думы. И еще – Сергей Грибушин, будучи гласным Пермской городской Думы, возглавил Пермское отделение Императорского Русского музыкального общества. И вот что важно: в доме Грибушиных не только давались концерты для избранной публи-

ки, но были открыты классы игры на фортепиано и смычковых инструментах. Далекая Пермь медленно, но верно превращалась в город европейской культуры, в одну из балетных столиц России, со своим театрами, со своим зрителем – хотя Москва и Питер долгие годы слоями переманивали пермские звезды...

Сергей Михайлович умер незадолго до революции, когда уже начиналась разруха. Один из последних документов Торгового дома Грибушиных: «За невозможностью получения бумаги, укупорка чая производится в деревянные из фанеры ящики...»

После революции в национализированном доме Грибушиных – полевой запасной госпиталь, туберкулезная лечебница, губернская детская больница. К приюту церкви Марии Магдалины, судя по архивным данным, примыкал концентрационный лагерь...

В 1987 году в полуразрушенном здании был размещен Пермский научный центр. Произошло чудо – в первые, очень трудные перестроечные годы зданию был возвращен его первоначальный облик. Фасад здания украшают маскароны – маски прекрасного женского лица; по сохранившимся рисункам Турчевича восстановлена лепнина; доставлены уникальные люстры, паркет. Пермский научный центр и первый его председатель Юрий Степанович Клячкин просто напросто спасли дом от уничтожения. Пермские реставраторы, замечательные люди, на скудные деньги академической науки по камешку, по кирпичику, по дощечке восстановили особняк и тем спасли от позора наш город. Есть же гений местности, магия места. Говорят, Шукшин спрашивал своего друга Георгия Буркова:

– А у тебя, Джорджоне, если что случится, есть куда бежать?

– Конечно, Вася. К маме, в Пермь, в Мотовилиху. Куда же еще?

Многие святые места потерял наш город. Скажем, нет особняка, где останавливался Чехов, дома, где жил изобретатель радио Александр Попов («домик Попова»), и сердце замирает, когда проходишь мимо теней этих домов.

Замечательный артист Лев Констан-

тинович Дуров, увидев дом Грибушина, порадовался – за детей, которые видят такое чудо среди серых, нагоняющих тоску строений. Дом не просто «впадает в синеву», а погружен в «цвет небесный, синий цвет».

В романе Бориса Пастернака есть «дом с фигурами» – «впадавший в синеву», «темно-серый, стального цвета дом с кариатидами и статуями античных муз с бубнами, лирами и масками в руках, выстроенный в прошлом столетии купцом-театралом для своего домашнего театра». Дом был продан Купеческой управе, давшей романное название улице.

Почему же модерново-классический грибушинский особняк, подобный знаменитой башне Мельникова, спрятанной в староарбатских переулках, называется «домом с фигурами»? Юрию Живаго, когда он оглянулся на дом, «почудилось, что из дома вышло все женское население на балкон». Обращаюсь к прекрасной книге Елены Спешиловой «Старая Пермь», вышедшей не так давно вторым изданием. Вот что там говорится в разделе «Дома чай-сахарных королей Грибушинных»: «Однажды на одном из семейных вечеров зашла речь о старой Перми и домах Грибушинных. И вот что поведала одна присутствовавшая на нем гостя: «Я была в туристической поездке по Финляндии. Когда собрались на экскурсию, женщина-экскурсовод обратилась к туристам: «Может быть, есть среди вас жители города Перми? Я сама из Перми, я – Грибушина». Она забросала меня вопросами и, когда узнала, что дом на Покровской, 13 реставрируется, рассказала: «Когда стали оформлять лепкой, мастер взял наш семейный альбом и выбрал из него все мои фотографии с 5- до 17-летнего возраста. Все эти лица с моих фотографий и изображены на этом доме».

Пастернак в дом с фигурами поместил райком партии, здание которого фактически находилось по соседству. В романе именно на этом замечательном здании лепились жуткие указы того времени, такие, например: «Уличенные в хранении и сокрытии продовольственных запасов расстреливаются на месте». Или же: «Сведения о голоде показывают невероятную бездеятельность местных органи-

заций. Пока мы не произведем массовых обысков, пока не применим суровых мер террора, вплоть до расстрела на месте спекулянтов, не будет спасения от голода». Это – деготь по стене дома, погруженного в синий цвет. (Не сглазить бы, но ныне стены дома свободны от оскорбительной мази, которой испещрены здания в округе!)

«Какое завидное ослепление!» – думал доктор. – «О каком хлебе речь, когда его нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены смыслом предшествующих декретов? Какие крестьяне, какие деревни, когда их больше не существует? Кем надо быть, чтобы с таким неостывающим горячешным жаром бредить из года в год на несуществующие, давно прекратившиеся темы, и ничего не знать, ничего кругом не видеть!»

У доктора закружилась голова. Он лишился чувств и упал на тротуар без памяти».

Самые заветные мысли доктора Живаго – «alter ego» Бориса Пастернака: «Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя может быть и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование – это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом жизнь никогда не бывает. Она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий».

Дом Грибушина – одно из немногих зданий города, в архитектуре которого ярко выражен стиль модерн, хотя в композиции чувствуется и влияние приемов русского классицизма – плоскостная разработка фасада, лепной декор с использованием растительных мотивов. В помещениях сохранилась художественная лепная отделка потолка и стен, изразцовые каминные.

Реставраторам удалось установить имя лепщика – им оказался Петр Агафьин, талантливый мастер-самоучка. «У Агафьиной, – вспоминал его ученик, – было удивительно развито пространственное зрение. Он, как никто, умел читать чертежи архитектора, придать человеческой маске черты одухотворенности,

Борис Пастернак

увидеть внешне малозаметные повороты стеблей и листьев, наделяя их непостижимой и таинственной жизненной силой. Агафьин в совершенстве владел техникой перевода глиняной модели в гипсовую форму, виртуозно работал лопаткой, циклей, долотом, кистью, знал секреты кропотливого и капризного дела – постановки готовых лепных деталей. Он был взыскательным мастером и строгим учителем. Или на совесть, или никак – такой у него был принцип».

Сейчас в гостиной дома Грибушина, где изумительная акустика, где так хорошо звучит спасенный добрыми людьми старинный беккеровский рояль, постоянно проводятся вечера в музыкальном клубе «Классик». Замечательный музыкант Людмила Михайловна Корж спасла традицию, ниточка которой тянется от семейных вечеров Грибушиных и, еще раньше, Кашперовых. Я вспоминаю чудесный метельный вечер в день рождения Пастернака, проведенный совместно с фондом «Юрятин» – знаменитый вальс Лары из американского фильма «Доктор Живаго», облетев весь мир, звучал в доме с фигурами как раз напротив ныне снежного дома, где Юрий Живаго встретился с Ларой.

Почему это так важно – пить чай, слушать музыку в доме, впадающем в синеу? Вспомним великий роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» и одного из

его героев, большого ученого Виктора Павловича Штрума.

Работа его шла плохо. Сперва Штрум был убежден, что причина его неудач в соблюдении условий опытов, в контрольных определениях, в повторной калибровке счетчиков, в отсутствии новой аппаратуры. Пылинка органической соли тяжелого металла под действием сверхжесткого излучения казалась ему кривляющимся карликом, который складывал дули перед строгим лицом теории.

Потом был разговор на кухне «полюдски, без страха, обо всем, на всю железку, без условностей, лицемерия. О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды! Какую страшную цену платили люди за несколько смелых, без оглядки высказанных слов».

Потом Штрум шел по темной пустынной улице. «Внезапная мысль возникла вдруг. И он сразу, не сомневаясь, понял, почувствовал, что мысль эта верна. Он увидел новое, невероятно новое объяснение тех ядерных явлений, которые, казалось, не имели объяснения, – вдруг пропасти стали мостами. Какая простота, какой свет! Эта мысль была изумительно мила, хороша, казалось, не он породил ее, она поднялась просто, легко, как белый водяной цветок из спокойной тьмы озера, и он ахнул, ошарашенный ее красотой...

И странная случайность, вдруг подумал он, пришла она к нему, когда ум его был далек от мыслей о науке, когда захватившие его споры о жизни были спорами свободного человека, когда одна лишь горькая свобода определяла его слова и слова его собеседников».

Вот так и получается: «Русская интеллигенция свой главный разговор вела за стаканом чая». Об этом и помнится в «грибуше» – доме, хозяева которого некогда поили чаем весь Урал.

*Лимон свежий,
Сахар белый
Сам колол я для тебя.
Пей внакладку,
Будет сладко.
Кушай, милая моя!*